

К столетию со дня рождения В. И. ЛЕНИНА

Борис Георгиевич Вебер

1902 - 1984

В. И. ЛЕНИН и ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЯКОБИНЦЕВ

Французский ежегодник 1970

М.: Наука. 1972. С.5-34

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Тематически связанные ссылки даны нами после статьи

«Революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации Революции при этом условии побеждают даже тогда, когда они терпят поражение »

В И ЛЕНИН

«Марксизм,— писал в 1907 г. В И. Ленин в статье «Против бойкота»,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹.

Творчески развивая и углубляя главное в марксизме, Ленин связывал высокую оценку его основоположниками революционных периодов в развитии человечества со всей совокупностью их исторических взглядов. Именно в такие периоды, подчеркивал он, разрешаются с точки зрения марксизма «те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития»². Именно в такие периоды «проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, созидаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базисе обновленных производственных отношений». И, в противоположность теоретикам либеральной буржуазии, Ленин именно в таких периодах видел, вслед за Марксом, не уклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а «самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ»³

В деятельности своих великих предшественников и учителей К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин выделял в качестве «центрального пункта» период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 гг. «Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде С точки зрения тогдашней, революционной

¹ В И Ленин Поли собр соч, т 16, стр 23

² «В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями» В И Ленин Поли. собр соч, т 9, стр 208

³ В И Ленин Поли собр соч , т 16, стр 23—24

эпохи оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты», — отмечал Ленин. И это было в его глазах «самой неразрывной составной частью всего... революционного мироизрания» Маркса и Энгельса, всего их подхода к анализу и оценке богатейшего опыта революционных периодов — этих переломных моментов, «поворотных пунктов» пройденного человечеством пути в свете поставленных историей задач современной им действительности⁴.

Этому Ленин противопоставлял сделанное Марксом мимоходом в 1869 г. «в высшей степени характерное» замечание⁵, что реакции удалось в Германии уже к тому времени «почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848 года»⁶.

На данном примере Ленин демонстрировал всю противоположность задач партии пролетариата, — с одной стороны, и реакции — с другой, в их отношении к революции и революционным традициям.

«Задача реакции — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия»... заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тупые хвалители английского мещанства, Веббы, стараются представить чартизм, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьезного внимания, случайнym и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют 1848 год в Германии», — констатировал Ленин⁷.

«Таково же отношение реакции к Великой французской революции, которая доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть», — добавлял Ленин⁸. Тем самым он поднимал на уровень широкого исторического обобщения несомненный факт резко отрицательного в целом отношения идеологов господствующих классов — от явно и открыто враждебного до замаскированно-скептического — к наиболее глубоким и сильным революционным традициям народов, начиная с истоков освободительного движения и вплоть до современности.

Но «одно дело, — подчеркивал Ленин, — хранение традиций революции, умение использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело — повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным»⁹.

Прямо и непосредственно оговорка эта относилась к вызывавшему в то время горячие споры вопросу о том, продолжать ли в изменившейся к лету 1907 г. обстановке тактику бойкота Думы периода революционного подъема. Но по существу Ленин вкладывал в свое замечание и гораздо более глубокий исторический смысл, распространяя его на отношение к революционным лозунгам и традициям прошлого вообще. «Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, — напоминал

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 24.— «Кто хочет посоветоваться с Марксом о задачах пролетариата в буржуазной революции, тот должен взять суждения Маркса, относящиеся именно к эпохе немецкой буржуазной революции. И недаром так боязливо обходят эти суждения наши меньшевики!», — указывал Ленин также и в статье «Фр. Меринг о второй Думе». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 264.

⁵ Маркс — Л. Кугельману 3 марта 1869 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 496.

⁶ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 16, стр. 24.

⁷ Там же, стр. 24—25.

⁸ Там же, стр. 25.

⁹ Там же, стр. 26—27.

в этой связи Ленин,— требовал в то же время умения мыслить от революционеров, умения анализировать условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов. «Национальные» традиции 1792 года во Франции останутся, может быть, навсегда образцом известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году, в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи¹⁰.

Таков был общий подход Ленина к традициям освободительной борьбы народов, к их совокупному революционному опыту, которому он придавал исключительно важное значение на всем протяжении своей деятельности, своей титанической борьбы за свержение царизма, за конечную победу социалистической революции.

Пока общество построено на угнетении и эксплуатации миллионов, массам, по признанию Ленина, приходится учиться больше всего на собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок. Но, заявлял уже в июле 1905 г. Ленин, «есть еще гораздо более широкий коллективный опыт человечества, запечатлевшийся в истории международной демократии и международной социал-демократии, закрепленный передовыми представителями революционной мысли. Из этого опыта черпает наша партия материала для повседневной пропаганды и агитации»¹¹.

«Гигантский опыт Европы» — тот решающего значения факт, что революционная русская социал-демократия стояла «на плечах целого ряда революционных поколений Европы», внушил Ленину в 1905 году, в условиях невиданного размаха энергии рабочего класса России, твердую и непоколебимую веру в то, что «удастся разжечь... светильник революционного света перед темной и забитой массой... осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования... добиться того, чтобы русская революция... привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей...»¹²

И когда это свершилось, когда пролетарская социалистическая революция в России «походя, мимоходом» довела буржуазно-демократическую революцию «до конца, как никто», Ленин, обозревая пройденный к тому времени путь, мог с законной гордостью провозгласить в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»: «Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердила за 4 года полностью»¹³.

¹⁰ Там же, стр. 27 — Пример подобного же отношения Ленина к революционным лозунгам и традициям прошлого содержит его критика решений Женевской конференции новоскворцовцев, которая внесла в 1905 г. в свою резолюцию пункт об «образовании революционных коммун» в том или другом городе, в том или другом районе в противовес ясной и определенной резолюции III съезда РСДРП «о временном революционном правительстве» «Употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей социал-демократии есть революционная фраза, и ничего более», — писал в связи с этим Ленин, ссылаясь на Маркса, который «не раз осуждал подобную фразу, когда за «обаятельный» термин отжившего прошлого прячут задачи будущего» «Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделяться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий, — продолжал Ленин — Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся перед каждым актом Коммуны». В. И. Ленин Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 69—70 «Разве это не то же самое, — указывал Энгельс, на которого опирался здесь Ленин, — как если бы стали утверждать, что во время первой французской революции каждый обезглавленный получил по заслугам — сначала те, кто был обезглавлен по приказу Робеспьера, а затем — сам Робеспьер?...» Ф. Энгельс. Эмигрантская литература.— II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., г. 18, стр. 516.

¹¹ В. И. Ленин Революция учит Полн. собр. соч., т. 11, стр. 134—135

¹² В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 10, стр. 14

¹³ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 44, стр. 144, 145, 147

* * *

Одним из главных достижений русского марксизма к началу XX в было предпринятое Г В Плехановым и завершенное В И Лениным опровержение того, что оставалось еще от изживавших себя по существу иллюзий и исчерпывавших себя пережитков народнических взглядов теорий народников об особом общинном укладе русской деревни с присущими ему якобы принципами — «трудовым началом» и «уравнительностью», о диаметральной противоположности крестьянского «трудового хозяйства» и хозяйства буржуазного¹⁴, об особых «судьбах капитализма в России», о возможности избежать тяжелых издержек дальнейшего его развития, наконец,— и это вытекало из всего упомянутого выше,— о небуржуазном будто бы характере предстоявшей России революции¹⁵

«Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путем кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма»,— таков, по Ленину, был ко времени революции 1905 г общий итог критики русскими социал-демократами экономических основ утопизма народнических построений, которого не в состоянии были преодолеть до конца и социалисты-революционеры¹⁶

«Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции»,— формулировал тогда же Ленин и основной вывод из этой критики¹⁷

К выводу этому Ленин систематически возвращался и в дальнейшем как к исходному пункту глубоких принципиальных разногласий не только между социал-демократами и эсерами, которые вообще не могли «понять этой идеи»¹⁸, но и между большевиками и меньшевиками, которые, «подменяя марксизм либерализмом», вкладывали в нее крайне узкое и ограниченное содержание В буржуазной революции «пролетариат не должен идти дальше того, что приемлемо для буржуазии, он должен вести политику соглашения с ней»,— упорно настаивали меньшевики вопреки неуклонному и последовательному стремлению большевиков «вести буржуазно-демократическую революцию до ее конца, не давая себя «связать» реформизмом буржуазии»¹⁹

Вступление России в XX столетии в «ту эпоху буржуазных революций, которая, например, в Англии знаменует XVII век, а во Франции XVIII и первую половину XIX века»²⁰, естественно приводило к сопоставлению событий, процессов и боровшихся в русской революции направлений с параллельными событиями, процессами и направлениями западноевропейских революций

К сопоставлению русской буржуазно-демократической революции с предшествовавшими ей зарубежными буржуазными революциями (не только в Европе, но и в Америке) постоянно обращался и Ленин, начиная с постановки весной 1905 г вопроса о том, суждена ли Россия «революция типа 1789 или типа 1848 года» При этом Ленин сознательно прибегал

¹⁴ В И Ленин Полн собр соч т 7, стр 47

¹⁵ См В И Ленин Полн собр соч, т 9 стр 191

¹⁶ В И Ленин Полн собр соч, т 11, стр 37

¹⁷ Там же стр 35

¹⁸ В доказательство того, что «господство капитала остается и в самой демократической республике и при каком угодно переходе «всей земли народу»» Ленин ссылался на «великую французскую революцию и ее результаты, историю американских «свободных земель» и т д В И Ленин Полн собр соч, т 15, стр 205

¹⁹ В И Ленин Полн собр соч, т 37, стр 305—306

²⁰ В И Ленин Полн собр соч, т 25, стр 101

к термину «тип», «чтобы устраниТЬ нелепую мысль о возможности повторения безвозвратно минувшей социально-политической и международной ситуации 1789 и 1848 годов»²¹.

Опираясь на всех этапах своей кипучей революционной деятельности на исторические уроки прежних революций, Ленин неоднократно возвращался к переосмыслению и переоценке этих уроков в свете все более богатого с течением времени опыта русской революции²².

Опыт этот, по свежим следам обобщавшийся Лениным, раскрывал перед ним то, что лишь в виде тенденции, в зачаточной форме намечалось в крупнейших из более ранних буржуазных революций и что, вслед за первой попыткой пролетарской революции — Парижской Коммуны 1871 г., нашло, наконец, свое развернутое воплощение, свою полную реализацию в Великой Октябрьской социалистической революции.

«Все великие революции стремились не только завоевать политические права, но и вырвать самое управление государством из рук господствующих классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся, чтобы раз навсегда положить предел всякой эксплуатации и всякому угнетению. Великие революции именно и стремились сломить этот старый эксплуататорский государственный аппарат, но до сих пор это не удавалось завершить до конца. И вот Россия первая достигла этого перехода государственного правления в руки самих трудящихся», — говорил в январе 1918 г. Ленин перед закрытием Третьего Всероссийского съезда Советов Того съезда, который «открыл новую эпоху всемирной истории», закрепив «организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией»²³.

«Не бывало ни одной такой революции, даже второстепенной, даже буржуазной, когда речь шла только о том, чтобы от одного имущего меньшинства передать власть другому меньшинству», — повторял и весной 1919 г. ту же в основе своей мысль Ленин. Так, «французская революция, на которую ополчились старые державы, чтобы раздавить ее, называется великой именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру, тут и лежит одна из ее больших заслуг»²⁴.

К мысли этой Ленин неоднократно возвращался, таким образом, и после Октября, когда особенно резко противопоставлял социалистическую революцию буржуазной²⁵, «непрочность, внутренняя противоречивость» всех завоеваний которой «имманентно присуща буржуазной революции, как таковой»²⁶. Но по существу она — эта мысль — пронизывала с самого начала борьбу Ленина против «всяких ренегатов», которые у «теперешней Европы» стремились «заимствовать пример не вчерашних буржуазных революций (с проблесками завтрашней пролетарской революции), а сегодняшнего «конституционного» положения»²⁷.

На протяжении всей своей революционной деятельности Ленин последовательно и неуклонно подчеркивал «логическую и историческую разницу между демократическим и социалистическим переворотом»²⁸.

Но «революция, — учил Ленин, — мудрая, трудная и сложная наука»²⁹.

²¹ В И Ленин Полн собр соч, т 9, стр 380

²² Ленин настойчиво призывал учиться «у истории русской революции» осваивать ее опыт — «великий опыт 1905 года». См, напр., В И Ленин Полн собр соч, т 13, стр 340, Полн собр соч т 36, стр 6

²³ В И Ленин Полн собр соч, т 35 стр 286 287

²⁴ В И Ленин Полн собр соч, т 38, стр 52

²⁵ См В И Ленин Полн собр соч, т 36 стр 5—6

²⁶ В И Ленин Полн собр соч т 16 стр 408

²⁷ В И Ленин Полн собр соч, т 23 стр 301

²⁸ В И Ленин Полн собр соч т 11 стр 73

²⁹ В И Ленин Полн собр соч т 36, стр 119

Противополагая буржуазную революцию социалистической, настаивая «на необходимости строжайшего различия их», на необходимости «логически и исторически отделять крупные полосы развития», Ленин и в качестве теоретика и публициста, и в качестве создателя, руководителя и вождя революционной партии пролетариата и в своем подходе к минувшим буржуазным революциям, и в своих прогнозах грядущей социалистической революции никогда и до 1917 г. не упускал из виду, что в истории, «в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего», «отдельные, частные элементы того и другого переворота»³⁰.

«Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще много и много доделать в смысле демократизма?» — так еще в 1905 г. ставил Ленин эти вопросы в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»³¹.

Так по существу подходил Ленин и к Великой французской революции.

* * *

«Власть денег, придавившая даже, напр., французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией,— эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика», — писал в феврале 1901 г. В. И. Ленин в одном из первых номеров незадолго до того созданной «Искры» в связи с сорокалетием «освобождения крестьян» в России³².

Отзыв этот заключал уже в себе основные черты общего подхода Ленина к французской революции конца XVIII в.

Результаты революции в области аграрных отношений³³ сводились Лениным к тому, что она освободила крестьянина «от помещичьей власти» — согласно данной здесь формулировке, что она, согласно более ранней формулировке 1897 г., уничтожила «остатки феодализма»³⁴, «последние остатки крепостного права», согласно формулировке 1911 г.³⁵

Французскую революцию Ленин сближал здесь с русской крестьянской реформой в плоскости их общих социальных предпосылок — тяготевшей над крестьянином в обоих случаях «помещичьей власти», во Франции — до 1789—1793 гг., в России — до, а в значительной мере и после 1861 г.

Но во Франции это были уже лишь «остатки феодализма», «последние остатки крепостного права».

В России — все еще полностью господствовавшее до 1861 г. крепостное право в самом неприкрытом виде.

Основанием к такому сближению служило Ленину то, что он по сути дела отождествлял уже тогда русских помещиков-крепостников с феодалами, крепостничество — с феодализмом³⁶ — в противоположность не только

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 74.

³¹ Там же.

³² В. И. Ленин. Рабочая партия и крестьянство (Статья эта напечатана была в третьем — апрельском — номере «Искры»). Полн. собр. соч., т. 4, стр. 431.

³³ «Антагонизм крестьянина и помещика» Ленин считал «самым глубоким и типичным для буржуазной революции антагонизмом народной свободы и крепостничества». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 21.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 202.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

³⁶ Касаясь в 1902 г. в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» того, что рабочий отдел программы «содержит требования, направленные против буржуазии, а крестьянский — требования, направленные против крепостников-помещиков»,

господствовавшим в то время либерально-народническим взглядам, но и Плеханову³⁷.

Сближал Ленин революцию во Франции и реформу в России и в плоскости их буржуазно ограниченного содержания — обе они так или иначе привели к тому, что «прибавился еще гнет капитала»³⁸. «власть денег», придавившая после революции французское «полусредневековое» до нее крестьянство³⁹, обрушилась и на русского все еще «полукрепостного» и после реформы мужика⁴⁰

Но в целом — в главном и основном — Ленин резко и решительно противопоставлял «жалкой половинчатой реформе» в России⁴¹ «могучую народную революцию» во Франции И хотя Ленин раскрывал первоначально богатое содержание этого понятия не столько прямо, сколько косвенно — негативным путем, на примере реформы, представлявшей собой прямую ее противоположность, общее отношение его к «могучей народной революции» выражено было уже здесь достаточно ясно И такое отношение к ней было и оставалось определяющим моментом исторического подхода Ленина к Великой французской революции

О «могучей народной революции» Ленин говорил, таким образом, еще в самом начале 1901 г — до опубликования писем Маркса к Кугельману⁴². К письмам этим Ленин обращался неоднократно⁴³, в частности, — к письму от 12 апреля 1871 г⁴⁴ Его он цитировал и комментировал в 1917 г, накануне Октября, и в своей работе «Государство и революция»⁴⁵.

«Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной народной революции», — писал тогда Ленин.— Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмоловкой» Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно»⁴⁶.

В противовес такому «убого-либеральному извращению» марксизма Ленин тогда же и там же развивал свое понимание «народной революции», совпадавшее с тем, что имел в виду Маркс Он ссылался при этом на пример «русской буржуазной революции 1905—1907 годов», которая «была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы»,

Ленин многозначительно добавлял «против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был таким спорным вопросом» В примечании Ленин заявлял еще тогда, что «склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле» В И Ленин Полн собр соч, т 6, стр 314—315

³⁷ В 1906 г Ленин сводил исторические воззрения Плеханова на национализацию земли, как экономическую основу московской Руси к «утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь» В И Ленин Полн собр соч, т 13, стр 14

³⁸ В И Ленин Полн собр соч, т 4, стр 431
³⁹ «Не была ли во Франции, например культура не выше нашей перед великой революцией, когда еще не завершился раскол ее по-усредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат?» В И Ленин Полн собр соч, т 1, стр 256

⁴⁰ В И Ленин Полн собр соч, т 4 стр 431

⁴¹ См В И Ленин Полн собр соч, т 20, стр 140

⁴² Письма эти впервые напечатаны были в журнале «Die Neue Zeit» в 1901—1902 гг

⁴³ В И Ленин Полн собр соч, т 14, стр 371—379 и др

⁴⁴ « письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего» Там же, стр 376

⁴⁵ В И Ленин Полн собр соч, т 33, стр 37—40

⁴⁶ Там же, стр 38—39 См также В И Ленин Полн собр соч, т 37, стр 312

задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество, на место разрушающего старого»⁴⁷. Нечто подобное Ленин видел уже и в «могучей народной революции» во Франции конца XVIII в.

* * *

Во втором номере «Искры», в феврале 1901 г., еще до опубликования ленинской статьи «Рабочая партия и крестьянство», помещена была передовая «На пороге двадцатого века».

Наряду с твердой уверенностью, что «двадцатый век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX века», что он приведет к «победе пролетариата», к осуществлению стоящей перед ним «великой цели», в статье этой содержалось предупреждение против иллюзий, будто впереди — «легкая победа»

«Наоборот,— говорилось далее,— мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Немало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений»⁴⁸.

«Уже теперь,— констатировалось в статье (и в этом— ее революционный пафос!),— в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет *mutatis mutandis* назвать разрывом социал-демократической «Горы» с социал-демократической «Жирондой»...»⁴⁹

Этой статьей — автором ее был Плеханов — «Искра», а затем и «Заря» открыли «трехлетнюю блестящую кампанию» против оппортунистического крыла партии, кампанию социал-демократической «Горы» против социал-демократической «Жиронды»⁵⁰,— подчеркивал в 1904 г. Ленин⁵¹.

В ответ на возражение Розы Люксембург против сравнения партийных группировок в РСДРП с группировками из времен Великой французской революции Ленин отстаивал допустимость этого сравнения, но лишь в том смысле, что разделение современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую соответствует только «до некоторой степени разделению на монтаньяров и жирондистов»⁵². Ошибочно поэтому смешивать «соотношение между двумя революционными направлениями XVIII и XX столетия с отождествлением самих этих направлений»⁵³.

⁴⁷ В И Ленин Поли собр соч, т 33 стр 39 — «В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительное большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Там же

⁴⁸ В том же втором номере «Искры», наряду с передовой Плеханова и статьей Ленина «Огда в солдаты 183 студентов» напечатаны были статьи не только Мартова и Аксельрода, но еще и П Струве¹

⁴⁹ «Искра», № 2, февраль 1901 г. Цит по изданию «Искра», № 1—52, декабрь 1900 — ноябрь 1903 Выпуск первый, № 1—7 Л, 1925, стр 28

⁵⁰ « кампанию против «Рабочего Дела» (тт. Кричевского, Акимова, Мартынова и др), против еврейского Бунда, против русских организаций, воодушевившихся этим направлением » В И Ленин Поли собр соч, т 9, стр 53

⁵¹ Там же

⁵² «Подобное сравнение часто делала признанная партийным съездом старая «Искра». Признавая как раз такое деление, старая «Искра» боролась с оппортунистическим «фрактом нашей партии, с направлением «Рабочего Дела»» Там же, стр 45

⁵³ «Если я говорю, что Малый Шайдег в сравнении с Юнгфрау все равно, что двухэтажный дом в сравнении с четырехэтажным, это еще не значит, что я отождествляю четырехэтажный дом с Юнгфрау»,— так для вящей наглядности иллюстрировал Ленин это положение в образной форме Там же, стр 47

Возвращаясь повторно на протяжении 1905 г. в новой — революционной — обстановке к сопоставлению тактической линии в революции теперь уже не экономистов, а новоискровцев, в числе которых оказался к тому времени и Плеханов, с жирондистами, а большевиков — с якобинцами, Ленин вносил в проводимую им по-прежнему аналогию еще большую ясность. «Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы», — писал Ленин в «Двух тактиках». »⁵⁴

Уточняя и углубляя тем самым идею, высказанную первоначально Плехановым, Ленин давал четкое классовое определение обоих направлений в каждой из этих революций: во французской революции это — оппортунистическая и революционная тенденции буржуазии, в русской революции — пролетариата. Такой четкости подхода к этому вопросу вообще, к якобинцам — в частности, не было у Плеханова ни в 1901 г., когда он опубликовал в «Искре» передовую «На пороге двадцатого века», ни до, ни после этого.

К тому, что сравнение двух течений в революционном пролетариате (революционное и оппортунистическое) с двумя течениями в революционной буржуазии XVIII века (якобинское — «Гора» — и жирондистское)⁵⁵ было сделано в передовой статье № 2 «Искры», что «автор этой статьи — Плеханов», Ленин возвращался неоднократно и позднее «Говорить о «якобинстве» в русской социал-демократии до сих пор очень любят и кадеты, и «беззаглавцы», и меньшевики Но о том, как Плеханов впервые выдвинул это понятие против правого крыла социал-демократии, — об этом ныне предпочитают молчать или забывать», — отмечал в 1907 г. Ленин⁵⁶

Являясь в глазах Ленина представителями последовательно революционного крыла французской буржуазии конца XVIII столетия, якобинцы выполнили возложенную на них историей роль в «могучей народной революции», потому что это «были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени»⁵⁷ Выполнили ее в той мере, в какой оставались «якобинцами с народом» В этом заключалось, по Ленину, «историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года»⁵⁸

⁵⁴ В И Ленин Полн собр соч, т 11, стр 48 — Напоминая в другой связи «староискровскую идею о сходстве отношений между якобинцами и жирондистами, с одной стороны, и между революционными социал демократами и оппортунистами с другой стороны», Ленин уже и до этого, в начале 1905 г выражал ту же по существу мысль «Были ли жирондисты изменниками делу великой французской революции? Нет Но они были непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела Поэтому с ними боролись якобинцы которые так же последовательно отстаивали интересы передового класса 18-го века как революционные социал-демократы последовательно отстаивают интересы передового класса 20-го века Поэтому жирондистов поддерживали и оправдывали от нападок якобинцев прямые изменники делу великой революции, монархисты, попы-конституционалисты и т д » В И Ленин Полн собр соч, т 9, стр 308

⁵⁵ Как формулировал этот тезис Ленин
⁶ В И Ленин Полн собр соч, т 6, стр 10 (Примечание автора к изданию 1907 г — Ред) — См также т 26, стр 102

⁷ В И Ленин Полн собр соч, т 32, стр 216 — «Бывают «якобинцы и «яко-бинцы» Остроумное французское изречение которое любил вспоминать Плеханов лет 20 назад, когда он еще был социалистом, подсмеиваясь над «якобинцами без народа» (jacobins moins le peuple)», — писал в этой связи Ленин (там же) Это было летом 1917 г, на заключительном этапе его борьбы с задолго еще до того изменившим себе, то выражение Ленина (В И Ленин Полн собр соч, т 13, стр 156), Плехановым, когда Ленин оказался вынужденным относить его к числу тех, кто только корчит «из сеяя якобинцев», к числу «якобинцев без народа» Полн собр соч, т 32, стр 216, 217

⁵⁸ Там же, стр 216

* * *

«Немецкая революция 1848 г. есть лишь пародия французской революции 1789 года.

4 августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день освободил все феодальные повинности.

11 июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности освободили немецкий народ...

Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого [grundbesitzende] крестьянского класса⁵⁹.

Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает этих крестьян, своих *самых естественных союзников*, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства.

Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь!»⁶⁰

Такова данная Марксом летом 1848 г. в «Новой Рейнской газете» оценка немецкой революции 1848 г., которой он в резком, сознательно подчеркнутом контрасте противопоставлял французскую революцию 1789 г.

Отрывок этот Ленин приводил целиком в «Двух тактиках...»⁶¹, повторно опирался на него в дальнейшем⁶² и исходил из него в своих выводах из сравнения положительного исторического опыта французской революции конца XVIII в и отрицательного исторического опыта немецкой революции середины XIX в.⁶³ при обосновании тактического лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в русской революции 1905—1907 гг.

«Это,— писал Ленин,— очень поучительное место, которое дает нам четыре важных положения: 1) Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но в частности и крестьянству. 2) Основой полного осуществления демократического переворота является создание свободного класса крестьянства. 3) Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь еще не социалистический переворот 4) Крестьяне — «самые естественные» союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она «бессильна» против реакции»⁶⁴.

Все эти положения,— подчеркивал Ленин,— «целиком применимы и к России 1905 года» с «соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей, с подстановкой крепостничества на место феодализма»,— как он заявлял уже здесь с полной определенностью, включая

⁵⁹ «Ничто так не задерживало победу французской буржуазии, как то, что лишь в 1789 г. она решилась действовать заодно с крестьянами» Маркс — Энгельс, 27 июля 1854 г К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 28, стр 322.

⁶⁰ К Маркс Законопроект об отмене феодальных повинностей К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 5, стр 299

⁶¹ В И Ленин Полн собр соч, т 11, стр 125—126

⁶² В И Ленин Полн собр соч, т 15, стр 265 (Франц Меринг о второй Думе), 382 (Отношение к буржуазным партиям), т 17, стр 388 (Цель борьбы пролетариата в нашей революции); т 19, стр 360 (Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России); т 22, стр 102 (О политической линии).

⁶³ Революцию 1848 г в Германии Ленин рассматривал как «пример неоконченной, ублюдочной полуреволюции» В И Ленин Полн собр соч, т 11, стр 380

⁶⁴ В И Ленин Полн собр соч, т 11, стр 126

тическая диктатура пролетариата и крестьянства. Несомненно, что главными составными частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство. Несомненно, что и у нас в России либеральная буржуазия и господа освобожденцы предают и предадут крестьянство, т. е. отделяются лжереформой, встанут на сторону помещиков в решительной борьбе между ними и крестьянством. Только пролетариат способен поддержать крестьянство до конца в этой борьбе. Несомненно, наконец, что и у нас в России успех крестьянской борьбы, т. е. переход к крестьянству всей земли, будет означать полный демократический переворот, являясь социальной опорой доведенной до конца революции, но отнюдь не социалистический переворот и не «социализацию», о которой говорят идеологи мелкой буржуазии, социалисты-революционеры. Успех крестьянского восстания, победа демократической революции лишь расчистит путь для действительной и решительной борьбы за социализм на почве демократической республики...»⁷²

* * *

Иначе подходил ко всему этому Плеханов, начиная с исторической оценки якобинцев, их места и роли во французской революции и кончая теми уроками, которые он пытался извлечь отсюда, противопоставляя — заодно с меньшевиками — лозунгу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства «жирондистскую», по квалификации Ленина, тактику в русской революции

В 1906 г., в разгар борьбы между большевиками и меньшевиками по вопросу о тактике социал-демократии в демократической революции, Плеханов счел, видимо, своевременным переиздать отдельной брошюрой свою статью шестнадцатилетней давности «Столетие великой революции», непосредственным поводом к написанию которой послужил опубликованный в 1889 г. юбилейный труд о французской революции буржуазного либерала Поля Жанэ, философа-эклектика из школы В. Кузена⁷³. Здесь Плеханов наиболее полно высказал свои взгляды на якобинцев, к которым пришел в основном уже ранее и которых не изменял по существу и в дальнейшем

С одной стороны, Плеханов, возражая Жанэ, всячески превозносившему Жиронду и резко осуждавшему монтаньяров, доказывал, что «не по силам было умеренной и либеральной Жиронде вывести Францию из того критического положения, в какое попала она в 1793 году», — «по внешним причинам необходима была диктатура, и именно диктатура монтаньяров»⁷⁴.

Но, с другой стороны, Плеханов, вслед за тем же Жанэ и рядом других буржуазных историков, заостривших всю свою аргументацию против революционных тенденций рабочего класса, противопоставлял жирондистам, опиравшимся на «имущие слои общества», на «медлительный и вялый» средний класс, на буржуазию⁷⁵, — монтаньяров. Монтаньяры же, по убеждению Плеханова, прямо и непосредственно отстаивали дело «трудящегося класса, людей, живущих работой своих рук», «низшего, самого революционного слоя населения — в особенности парижского населения», парижских санкюлотов, у которых якобы «собственности .. ровно

⁷² В И Ленин Поли собр соч, т 11, стр 126—127

⁷³ Столетие великой революции (Centenaire de 1789 Histoire de la Révolution Française par Paul Janet Paris) СПб, 1906 Впервые статья эта опубликована была в журнале «Социал-демократ», книга первая, февраль 1890 г

⁷⁴ Г В Плеханов Столетие Великой революции Соч, т IV, 1923, стр 58, 61

⁷⁵ Там же, стр 61, 62, 63 и др

никакой не было» и которых он полностью отождествлял с «тогдашним пролетариатом»⁷⁶.

Этот пролетариат или «чернь», — как писал Плеханов, обыгрывая выражение Жанэ, — «сплачивается в особую партию и выносит на своих плечах монтаньяров. В то время «чернь» умела постоять за себя и скоро достигла господства. Тогда ей оставалось, по-видимому, только воспользоваться своей политической властью и завести такие социальные учреждения, благодаря которым право человека на собственность не было бы уже по отношению к ней горькой насмешкой. Для тогдашнего, как и для современного, пролетариата это возможно было только при одном условии: при полном уничтожении частной собственности на средства производства и при организации производства на общественных началах. Но ... ни сам пролетариат не был достаточно развит для этого, ни тогдашние средства производства не удовлетворяли элементарнейшим требованиям общественной его организации. Поэтому и мысль о нем⁷⁷ не приходила в голову ни тогдашней черни, ни ее образованным представителям... Что же оставалось делать при таких условиях восторжествовавшей на время «черни»?... Борьба между тогдашним пролетариатом и имущим классом по роковой, неотвратимой необходимости должна была принять террористический характер. Только террором и мог отстоять пролетариат свое господство в своем тогдашнем положении, полном самых неразрешимых экономических противоречий»⁷⁸.

Как «правило, не допускавшее исключений», Плеханов выдвигал в связи с этим общее положение: «чем меньше шансов имеет данный общественный класс или слой отстоять свое господство, тем более склонности обнаруживает он к террористическим мерам»⁷⁹.

Если бы пролетариат обладал в конце XVIII в. «большою развитостью, если бы в тогдашней экономической жизни существовали условия, необходимые для обеспечения его благосостояния, то ему не было бы никакой надобности прибегать к террористическим мерам», — таков тот не столько исторический, сколько гипотетический вывод, к которому приходил Плеханов⁸⁰.

Такова данная в статье Плеханова пессимистическая в общем оценка «диктатуры монтаньяров» в области внутренней политики, которую он сводил здесь фактически к вынужденному условиями времени террору пролетариата против буржуазии⁸¹.

Политический вывод Плеханова исчерпывался, наоборот, оптимистическим прогнозом, что «предстоящий... в цивилизованных странах «великий бунт» рабочего сословия наверное не будет отличаться жестокостью. Торжество рабочего дела до такой степени обеспечено теперь историей, что ему не будет надобности в терроре»...⁸²

Плеханов не мог не учитывать, что в конце XVIII в. «противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата находилось еще в зародыше», хотя и упускал при этом из виду, что не этот антагонизм выдвигался в буржуазной революции на первый план. Чувствуя, видимо,

⁷⁶ Там же, стр. 59, 61, 62 и др.

⁷⁷ Так в тексте. Надо, очевидно: об этом.

⁷⁸ Там же, стр. 62—63.

⁷⁹ Там же, стр. 63.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Тем самым Плеханов, следуя опять-таки буржуазным авторам, начиная все с того же Жанэ, возлагал всю историческую ответственность за террор буржуазной революции на пролетариат и в тех его пределах, в каких он был действительно неизбежен и необходим, и в тех его проявлениях, которые вытекали из классовой ограниченности даже наиболее передовых и последовательных представителей революционной и демократической буржуазии, полностью освобождая от этой ответственности перед «судом истории» буржуазию,— вопреки Марксу и Энгельсу, а позднее — Ленину.

⁸² Там же.

все же шаткость, спорность, необоснованность своего тезиса о монтаньярах как представителях пролетариата (а не демократической буржуазии!), он вносил в него оговорку, опровергавшую в сущности все его построение.

Хотя «монтаньиры на деле и по инстинкту всегда стремились отстаивать интересы беднейшего класса населения», но,— гласила эта оговорка,— «в их взглядах была такая сторона, которая при дальнейшем своем развитии сообщила бы им совершенно буржуазный характер».

Эта сторона взглядов монтаньиев, продолжал Плеханов (справедливо учитывая в данном случае их историческую — буржуазную — ограниченность), «очень заметна в речах Робеспьера. Она же подвигнула якобинцев на борьбу против гебертистов и, вообще, против сторонников так называвшихся тогда аграрных законов. Но и в «аграрных законах», как они рисовались в воображении их сторонников, не было ничего коммунистического. Частная собственность и неизбежно связанные с ней мелко-буржуазные стремления как бы насильно вторгались тогда в программы самых крайних революционеров. Только Бабеф становится уже на другую точку зрения, но он является уже в последнем действии великой трагедии, когда силы пролетариата были совершенно истощены предшествовавшей борьбой».

Партия монтаньиев, заключал ход своего рассуждения Плеханов, «именно и разбилась об это противоречие между их мелко-буржуазными понятиями и их стремлением отстаивать интересы пролетариата»⁸³.

В этом Плеханов видел связь той «великой трагедии», в образе которой преломлялась в его сознании Великая французская революция. И к этому трагедийному образу Плеханов возвращался не раз.

Остававшийся неизменным общий подход Плеханова к якобинцам как политическим представителям того общественного слоя, который являлся тогда «зародышем нынешнего пролетариата»; прежний вместе с тем упрек Робеспьеру, а также Сен-Жюсту в том, что они «были совершенно чужды коммунистических идей»; те же минорные тона при упоминании «великой революционной драмы» конца XVIII в., лишь в последнем акте которой коммунизм в лице Бабефа «все таки выступил на историческую сцену»,— все это воспроизводится у Плеханова и в статье, опубликованной в 1914 г.⁸⁴

Несомненным контрастом такому восприятию Плехановым французской революции и роли в ней якобинцев является высокое, горячее, взволнованное признание Лениным как до, так и после Октября 1917 г. непреходящего исторического значения великой, хотя и буржуазной, революции, которая, «хотя ее и разбили, все-таки победила»⁸⁵. Признание всего этого великого, неискоренимого, незабываемого, по определению Ленина, что «дали якобинцы XVIII века»⁸⁶, чего достигли «великие французские революционеры буржуазии», хотя они «и погибли под ударами объединенной европейской реакции»⁸⁷.

Великая французская революция, которая «недаром называется великой», была в глазах Ленина «конкретным примером» того, что «революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации. Революции при этом условии побеждают даже тогда, когда они терпят поражение...»⁸⁸

⁸³ Г. В. Плеханов. Столетие Великой революции. Соч., т. IV. 1923, стр. 66—67.

⁸⁴ Г. В. Плеханов. Утопический социализм XIX века. Соч., т. XVIII, изд. 2-е. М.—Л., 1928, стр. 58.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367.

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 374.

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367.

⁸⁸ Там же.

В своем подходе к революции 1789 г. Плеханов, в противоположность Ленину, отступал от имманентно присущего марксизму революционного историзма.

В своих суждениях об этой революции Плеханов невольно впадал в модернизацию, подобную той, на которую более или менее сознательно и преднамеренно шли буржуазные идеологи типа Жанэ после июньских дней 1848 г. и особенно после Коммуны.

К оценке революции конца XVIII в.—последней в ряду *ранних* буржуазных революций, тех социальных противоречий, которые она так или иначе разрешала, тех классов и партий, которые в ней боролись, Плеханов применял такие критерии, которые не соответствовали ее эпохе, характеру и задачам.

Если и не полностью игнорируя, то во всяком случае недооценивая реально достигнутое и бесповоротно завоеванное этой крупнейшей антифеодальной демократической революцией⁸⁹, Плеханов приписывал ей в лице ее передовых буржуазных деятелей⁹⁰, представителей всей тогдашней революционной демократии⁹¹ такие цели, которых они перед собой не ставили и которых не могли бы осуществить, даже если бы и захотели, ибо время для пролетарской революции тогда еще действительно далеко-далеко не назрело.

И поэтому утверждение Плеханова, будто партия монтаньяров разбилась о «противоречие между их мелкобуржуазными понятиями» и своим им якобы «стремлением отстаивать интересы пролетариата» вопреки и наперекор буржуазии, представляло собой не столько суровую историческую правду классовой борьбы в процессе революции, сколько неверно взятую ноту.

Вот почему исполненному глубокого исторического смысла выводу Ленина, что «французская революция, хотя ее и разбили, все-таки победила», противостоит эффектная, отточенная Плехановым впервые еще в 1884 г. и повторявшаяся им в разных вариациях на протяжении трех десятилетий фраза, будто история французских якобинцев представляет собой всего лишь «величественную, полную жгучего интереса трагедию»⁹².

* * *

Что под этим подразумевал Плеханов, показывает та параллель, которую он проводил в своей книге «Наши разногласия» между подвергнутыми им здесь критике народовольцами (в лице, в частности, Тихомирова) и якобинцами⁹³.

Говоря о «вероятных последствиях» замышлявшегося Тихомировым «захвата власти» народовольцами как «исходном пункте революции», Плеханов утверждал, что даже в случае удавшегося переворота последовало бы «позорнейшее фиаско [курсив мой.—Б. В.] русской социалистической партии».

⁸⁹ «Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна»,— повторял по существу в 1885 году Энгельс (*К. Маркс и Ф. Энгельс Соч.*, т. 21, стр. 259), и это не случайно цитировал в 1917 г. Ленин (Полн. собр. соч., т. 33, стр. 32).

⁹⁰ А не «образованных представителей» тогдашнего пролетариата, как полагал Плеханов.

⁹¹ Охватывавшей, наряду с демократической буржуазией, основной крестьянской массой, которую Плеханов с самого начала сбрасывал со счета, также и широкую племянскую массу, в том числе и тогдашний пролетариат (точнее — предпролетариат), «от которого,— по выражению Ленина накануне Октября,— демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 196).

⁹² Г. В. Плеханов. Наши разногласия. Соч., т. II. М., Изд. З-е, б. о. г., стр. 331.

⁹³ Там же, стр. 329—331.

Это, по мнению Плеханова, дало бы лишь «новый исторический пример» для подтверждения мысли, высказанной Энгельсом в предпоследней (VI) главе «Крестьянской войны в Германии».

«Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство», — гласило начало приведенной Плехановым — впервые в полемике с народовольцами — длинной цитаты из работы Энгельса⁹⁴.

В подобных условиях вождь крайней партии должен будет «отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными», — говорилось к концу той же цитаты⁹⁵. «Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно», — так заключал в 1850 г. Энгельс свою мысль, навеянную не столько физической гибелью лишь смутно предвосхищавшего будущее Томаса Мюнцера и его соратников в Крестьянской войне в Германии XVI в., сколько плачевным политическим банкротством в революции 1848 г. во Франции таких представителей весьма еще неразвитого пролетариата в буржуазном временном правительстве, как Луи Блан⁹⁶.

Расширительно толкуя уже здесь мысль Энгельса и распространяя ее на народовольцев, Плеханов утверждал: «Очень заблуждается г. Тихомиров, воображающий, что захват власти революционерами послужил бы «исходным пунктом революции». Совершенно наоборот: такой «захват» послужил бы лишь сигналом реакции. Он не упрочил бы влияния передовых сил страны, но, истощивши их первой, бесплодной попыткой, он обеспечил бы торжество консервативных и реакционных партий».

Обращаясь в этой связи к классическому положению Маркса о движении французской революции «по восходящей линии»⁹⁷, Плеханов подчеркивал, что русская революция в ее народовольческом варианте «не только отклонилась бы от дорогого и единственно понятного нашим якобинцам образца французской революции»⁹⁸, но представляла бы своим ходом полную противоположность последней. Между тем, как, до известного времени, каждая новая волна французской революции выносила на историческую арену новую, более крайнюю партию, — наши домороценные якобинцы свели бы к нулю соответствующий период русской революции. Разбитые и дискредитированные, они удалились бы со сцены под градом вражеских обвинений и насмешек, а оставшиеся без руководителей нестройные и несплоченные массы народа не смогли бы одолеть систематического сопротивления своих неприятелей».

Даже допуская, что «народные восстания, в самом лучшем случае,

⁹⁴ Г В Плеханов Наши разногласия, стр 329—330

⁹⁵ Ф Энгельс Крестьянская война в Германии К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 7 стр 422—423 — Данный здесь перевод несколько отличается от перевода Плеханова и совпадает с переводом соответствующих мест Лениным в его работе «Социал-демократия и временное революционное правительство» Полн. собр соч, т 10, стр 5

⁹⁶ В этой связи Энгельс ссылался на то положение, в котором «очутились в по следнем французском временном правительстве представители пролетариата», хотя их лице была представлена «еще весьма нижняя ступень» его развития «Тот, кто после опыта февральского правительства еще способен претендовать на официальные посты, тот либо является сверх меры ограниченным человеком, либо связан с крайней революционной партией в лучшем случае одними лишь фразами», — констатировал ф Энгельс Крестьянская война в Германии К Маркс и Ф Энгельс Соч, т. 7 стр 423

⁹⁷ К Маркс Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта К Маркс и Ф Энгельс Соч т 8, стр 141

⁹⁸ К этому «образцу», превращая его в «шаблон», Плеханов и меньшевики апеллировали в дальнейшем систематически, противопоставляя тактике большевиков в русской революции свою политику соглашения с либеральной буржуазией

окончились бы лишь низвержением остатков старого режима», Плеханов вместе с тем подчеркивал, что это не принесло бы «трудящемуся классу тех реформ, которые касаются его интересов прямым и непосредственным образом».

Всего значения того, что уже одно «низвержение остатков старого режима» было бы великим достижением не социалистической, разумеется,— как полагали народовольцы, а буржуазной, отнюдь, впрочем, не только политической, но и социальной революции, Плеханов явно недооценивал: в буржуазной революции он склонен был видеть — в отличие от Маркса и Энгельса — лишь «политическую революцию», ограничивающуюся приведением надстройки в соответствие со сложившимся ранее капиталистическим базисом.

Учитывая характер и перспективы назревавшей в России революции, Энгельс в своем отзыве на «Наши разногласия» подходил к оценке народовольцев иначе, чем Плеханов, превращавший в своего рода догму замечание Энгельса в «Крестьянской войне в Германии» и применяяший его еще тогда и особенно впоследствии к иной исторической обстановке, к другим по своей природе ситуациям.

Россия «приближается к своему 1789 году», «стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год», «это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию», — писал Энгельс В. И. Засулич 23 апреля 1885 г. «Предположим, эти люди воображают, — заявлял он, — что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробуют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать»⁹⁹.

В целом таким образом в полемике Плеханова против народовольцев, наряду с верными и глубокими мыслями, намечались уже в зародыше и отдельные спорные и сомнительные по своей тенденции положения. И именно эти положения служили в дальнейшем, в годы первой русской революции, Плеханову и меньшевикам аргументами в их борьбе против последовательно революционной тактики большевиков.

Не случайно поэтому Ленин солидаризировался с критикой Плехановым народовольцев в свете замечания Энгельса фактически лишь постольку, поскольку Энгельс предостерегал «от того ложного положения, которое является результатом непонимания вождем действительных интересов «своего» класса и действительного классового содержания переворота»¹⁰⁰.

Глубоко неправ был Плеханов тогда, когда столь же ложным считал

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 260, 263. «Интересно было бы узнать в точности, было ли такое письмо, цело ли оно и не пора ли его опубликовать», — многоизначительно отмечал в 1907 г. Ленин, вспоминая (со слов Плеханова или Засулич) про письмо Энгельса «о «Наших разногласиях» и о характере предстоящей в России революции». В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» Полн. собр. соч., т. 15, стр. 248.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 6. «Когда народовольцы, думая представлять интересы «труда», уверяли себя и других, что 90 процентов крестьян в будущем русском учредительном собрании будут социалистами, они попадали этим в ложное положение, неминуемо существующее привести к их безвозвратной политической гибели, ибо эти «обещания и уверения» не соответствовали объективной действительности. На деле они проводили бы интересы буржуазной демократии, «интересы другого класса». Там же.

и положение якобинцев, зачисляя их в представителей пролетариата. Апеллируя к тому, что «великие события дважды повторяются в истории: в первый раз они являются трагедией, во второй — фарсом», Плеханов сводил к «полнейшей неспособности действующих лиц понять смысл и характер» в одном случае — подготовлявшейся, в другом — завершившейся контрреволюцией, но в обоих случаях преждевременной «рабочей [курсив мой.—Б. В.] революции» как «историю заговорщиков планов» народовольцев, которая, «несмотря на героизм отдельных личностей, остается фарсом», так равно и «историю французских якобинцев».

Поэтому Плеханов и видел в истории якобинцев «величественную, полную жгучего интереса трагедию».

Трагедию в том смысле, что уже и ее эпилогом был в глазах Плеханова крах.

* * *

Начиная с 1905 г., Плеханов выступал против Ленина с теми же по существу упреками в несоответствии тактики большевиков назревшим потребностям времени, уровню общественного развития, характеру революции, которые уже задолго до того делал прямо и непосредственно народовольцам — «нашим доморощенным якобинцам», а косвенно и иносказательно — также и «французским якобинцам».

Продолжая, однако, исповедовать «якобинизм» и на закате своей деятельности (правда, уже лишь «букву якобинизма, не дух его,— внешние проявления, а не содержание его политики»¹⁰¹), Плеханов сводил в 1906 г. на Объединительном съезде РСДРП свои возражения против лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в основном к тому, будто он означал реставрацию «народовольческой идеи захвата власти»¹⁰², «возрождение «народовольчества»»¹⁰³. Этому «мнимому народовольчеству» большевиков¹⁰⁴ Плеханов противопоставлял свой старый аргумент против народовольцев, а наряду с ними, как мы видели, и против якобинцев: вызванное банкротством в 1848 г. социалистов типа Луи Блана замечание Энгельса, который сам подходил позднее к народовольцам с иными критериями¹⁰⁵.

Прямыми линейной Плеханова рассуждал А. С. Мартынов — «энаменитый борец против «якобинизма», по саркастическому отзыву Ленина¹⁰⁶, в написанной «еще до 9 января» брошюре «Две диктатуры»¹⁰⁷, своего рода

¹⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 307.

¹⁰² «Наша точка зрения состоит в том, что захват власти обязателен для нас, но обязателен тогда, когда мы делаем пролетарскую революцию. А так как предстоящая нам теперь революция может быть только мелкобуржуазной, то мы обязаны отказаться от захвата власти»,— говорил на съезде Плеханов, упрекая Ленина в том, что он «реставрирует народовольческую идею захвата власти». Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, стр. 141—142.

¹⁰³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 171.

¹⁰⁴ По выражению Воинова (Луначарского). Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП, стр. 374.

¹⁰⁵ «Так смотрел на этот вопрос наш учитель»,— заявлял Плеханов, приводя соответствующее место из «Крестьянской войны в Германии», но умалчивая при этом о другом, чем у него, отношении Энгельса к идеи народовольцев о захвате власти. «Те из вас, которые стоят на точке зрения марксистов, должны решительно отвергнуть проект Ленина. Он падает вместе с заговорщикой идеей захвата власти»,— утверждал Плеханов в заключительном слове по аграрному вопросу (там же, стр. 142). «Не прав ли я был на съезде,— писал в связи с этим Ленин,— сказав, что плехановская боязнь захвата власти есть боязнь крестьянской революции? Не прав ли был Воинов [Луначарский], говоря, что Плеханова до того в молодости напугали народовольцы, что они ему мерещатся даже тогда, когда он сам признает неизбежность крестьянской революции и когда иллюзий насчет крестьянского социализма нет ни у кого среди с.-д.?» В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 24.

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 202.

¹⁰⁷ Там же, стр. 23, 27, 126.

меньшевистской антитезе участию социал-демократии во временном революционном правительстве, а тем самым уже и революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства¹⁰⁸ — лозунгу, еще не сформированному тогда в своей окончательной форме Лениным.

Мартынов «довел до конца хвостистские тенденции новой «Искры» и выразил их реальено и систематически по самому злободневному и коренному политическому вопросу», — констатировал Ленин¹⁰⁹.

Положение Ленина, что «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ»¹¹⁰, Мартынов — один из вожаков «социал-демократической «Жиронды» с момента размежевания между нею и «социал-демократической — «Горой»»¹¹¹ — решительно, настойчиво и по-своему последовательно отвергал¹¹².

Столь же решительно отвергал Мартынов и идею Ленина о необходимости подготовки, назначения и проведения всенародного вооруженного восстания¹¹³, называя ее то «якобинским планом восстания», то планом, заимствованным «с некоторыми модификациями у якобинца Ткачева»¹¹⁴.

Отвергал Мартынов — заодно с Плехановым — и то, что изображал как воскрешение большевиками «якобинской теории» Народной Воли о «захвате власти»¹¹⁵.

С особым ожесточением ополчался Мартынов на «неизбежный логический вывод из всякого рода якобинства», на «венец всякого якобинства» — на «идею революционной диктатуры»¹¹⁶.

Центральное место отводил Мартынов в своей брошюре «единственному классическому примеру революционной диктатуры» — «истории диктатуры эпохи Конвента». Подчеркивая, что при суждении об этой эпохе «смутные революционные образы слишком часто заменяют ясные революционные идеи», он стремился рассеять подобные «романтические иллюзии», с тем, чтобы разрушить «мечту» о революционной диктатуре в ближайшей революции¹¹⁷.

Этой цели Мартынов и подчинял весь свой «анализ эпохи Конвента» в плане окрашенного в соответствующие тона освещения того, «что такое . революционная диктатура каковы необходимые условия осуществления революционной диктатуры и должна ли российская социал-демократия готовиться к ней в предстоящей буржуазной революции»¹¹⁸.

¹⁰⁸ Участие социал-демократии во временном революционном правительстве Ленин рассматривал в дальнейшем как «равносильное демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» В И Ленин Поли собр соч, т 10, стр 230

¹⁰⁹ Там же, стр 12 Брошюра Мартынова, отмечая Ленин, была одобрена и рекомендована редакцией новой «Искры» и признана «одним из наиболее интересных произведений из всей новейшей соц-дем литературы» органом П Струве «Освобождением» В И Ленин Поли собр соч, т 9, стр 307, т 10, стр 4

¹¹⁰ В И Ленин Поли собр соч, г 8, стр 370

¹¹¹ См В И Ленин Поли собр соч, т 9, стр 53 — Ср также т 25, стр 132

¹¹² Мартынов Две диктатуры Женева 1905, стр 3, 9, 10, 11, 42, 53, 66 — Брошюра эта была переиздана в 1918 г

¹¹³ В И Ленин Поли собр соч, г 6, стр 177.

¹¹⁴ Мартынов Две диктатуры, стр 9 10, 67

¹¹⁵ Там же, стр 3, 10

¹¹⁶ Формально, правда, лишь в ближайшей — буржуазной — революции (там же, стр 15) Но на «предрассудок что путь к победе социализма лежит через парламентскую демократию, а не через революционную диктатуру», Мартынов указывал впоследствии как на «единственное», что удерживало его вплоть до Октябрьской революции и Гражданской войны от разрыва с меньшевиками А С Мартынов О меньшевизме и большевизме. Доклад на Кутаисской конференции бывших меньшевиков 9 VII—23 г. 2-е проверенное и исправленное автором издание. М, 1923, стр. 9.

¹¹⁷ Мартынов Две диктатуры, стр 15, 16

¹¹⁸ Там же, стр 15 (курсив автора)

Свой экскурс в прошлое Мартынов составил, по его словам, на основании историй Мишле, Олара и главным образом на основании незадолго до того опубликованной «наиболее богатой материалами истории французской революции Жореса». Считая, однако, что «все эти историки совершенно не в состоянии были объяснить исторический смысл» эпохи Конвента и особенно борьбы между Горой и Жирондой, он попытался противопоставить им «истинно гениальные указания Маркса»¹¹⁹. Но в своей собственной интерпретации якобинской революционной диктатуры Мартынов оказался фактически не в состоянии ни понять по существу подлинное значение основных мыслей Маркса и Энгельса о французской революции, ни критически преодолеть в свете исторического подхода к ней революционного марксизма то, в чем сказывалась политическая и научная ограниченность не только Олара, но и Жореса.

Борясь против «всякого рода якобинства», Мартынов делал, правда, ту оговорку, что имел при этом в виду не «якобинцев эпохи Конвента» а «якобинцев-заговорщиков» последующего времени, которые «в некоторых отношениях представляли карикатуру на великих якобинцев»¹²⁰. Но и в оценке Мартыновым собственно якобинцев — «якобинцев 93-го года», их места и роли в истории революций, совершенного и достигнутого ими,— отрицательные тона явно преобладали над положительными.

Во всем своем построении Мартынов исходил из задолго до него опровергнутого мифа, будто с феодализмом покончено было уже 4 августа 1789 г., когда отменены были якобы «все привилегии дворянской и церковной собственности» и разрешены были таким образом (с его точки зрения!) основные задачи буржуазной революции¹²¹.

В соответствии с этим Мартынов утверждал, что диктатура «общественного спасения», «первыми пропагандистами», а в дальнейшем — «главными руководителями» которой были якобинцы, «из всей своей обширной программы успела только осуществить одно — она спасла Францию от военного разгрома, закрепила и углубила уже ранее совершившуюся революцию в имущественных и гражданских отношениях»¹²².

Столь ограниченные, в его изображении, результаты революционной диктатуры якобинцев Мартынов объяснял тем, что диктатура эта, возникнув на почве ликвидированного еще якобы до ее установления «старого общественного строя», «впервые вскрыла классовые противоречия в новом и форсировала их развитие; а когда обнаружились эти противоречия, неразрешимые на почве буржуазного общества, никакие насилиственные меры не способны были их искоренить: эти меры ускорили только падение революционной диктатуры, а заодно и республики», — заявлял Мартынов¹²³.

«Весь исторический смысл» завершенной, на его взгляд, по существу уже в 1789 г. буржуазной революции Мартынов сводил к тому, что «она открыла полный простор для борьбы экономических интересов и тем самым дала огромный толчок развитию производительных сил»¹²⁴.

Наиболее полно отражая, по мнению Мартынова, эту возобладавшую в буржуазной революции прогрессивную тенденцию общественного развития, жирондисты стремились обеспечить «торжество принципов либерализма». И поэтому они «были и остались классическими идеологами буржуазного общества в целом», — нарочито подчеркивал Мартынов, давая это курсивом¹²⁵, хотя сам же говорил о расколе буржуазии на либе-

¹¹⁹ Мартынов. Две диктатуры, стр. 16.

¹²⁰ Там же, стр. 15, 5.

¹²¹ Там же, стр. 19.

¹²² Там же, стр. 19, 26 (курсив мой.— Б. В.).

¹²³ Там же, стр. 19.

¹²⁴ Там же, стр. 35.

¹²⁵ Там же, стр. 27.

ральные и демократические, «умеренные» и «крайние» элементы, на «модерантистов» — жирондистов и «последовательно революционную партию» — якобинцев.

Якобинцев, которые, в противоположность жирондистам, являлись, в его глазах, «революционными идеологами» не всей, а лишь мелкой буржуазии, не подозревавшими, что «угнетенное человечество именно этим путем придет к своему освобождению», Мартынов упрекал в том, что «их идеология шла вразрез с дальнейшим процессом исторического развития», что «они хотели остановить историю на том пункте, которого она достигла в 1793 г.», в «5-й год свободы и 2-й год равенства», что они стремились «с первого же шага привести новое общество в состояние неподвижного равновесия, заковав его в броню спартанской добродетели» и т. д. и т. п.¹²⁶

Мартынов считал в силу этого естественным, что «якобинцы долго были в меньшинстве в общей семье политически сознательной буржуазии». «И они остались бы в меньшинстве,— настаивал он,— если бы громадное сопротивление, встреченное буржуазной революцией, не привело ее фатально к режиму революционной диктатуры», для подготовления и руководства которой «история могла выбрать в то время своим орудием только якобинцев»¹²⁷.

Возможность установления «революционной диктатуры» Мартынов связывал с «тесным единением революционной Франции», превратившейся в «военный лагерь». Ее необходимость — с «коалицией внешних и внутренних врагов». Наступление «эры диктатуры» — с «выступлением на революционную авансцену санкюлотов как социального слоя» и с борьбой Горы и Жиронды «как политических партий»¹²⁸.

Касаясь «эры диктатуры», Мартынов не отрицал, что «сначала все обстояло сравнительно благополучно для буржуазного общества». Он отдавал себе отчет в том, что «санкюлоты, т. е. мелкая буржуазия и proletariat, не впервые показались на его политическом горизонте». Он справедливо подчеркивал, что «их вмешательство имело решающее значение во все критические моменты Великой Революции», начиная с 14 июля, когда «верный инстинкт подсказал санкюлотам... необходимость взятия Бастилии, которое сделало буржуазную революцию народной» и «вызвало крестьянское восстание».

Неправ был, однако, Мартынов, полагая, будто это привело к «ликвидации феодализма» и к разрешению свойственных ему классовых противоречий уже 4 августа 1789 г. А между тем именно это положение лежало в основе всего его подхода к дальнейшему развитию и углублению революции — к «истории диктатуры эпохи Конвента»¹²⁹.

После 10 августа 1792 г., утверждал Мартынов, «санкюлоты стали господами Парижской коммуны», а после 31 мая 1793 г. — «господами всех французских коммун». На этой почве в ходе борьбы санкюлотов за Республику против «злой воли роялистов» и эгоизма «модерантистов» «возникла «безличная диктатура» Парижской санкюлотской коммуны», которая «провела сама или принудила Конвент провести первые меры общественной безопасности»¹³⁰.

¹²⁶ Там же, стр. 27, 35, 52.

¹²⁷ Там же, стр. 27—28.— «Но кто мог скорее и легче других раскрыть интриги аристократов; кому естественнее было впервые забить тревогу об опасности? Конечно, наиболее последовательным в то время демократам-якобинцам! — не мог не признать Мартынов, внося сюда вместе с тем (следуя Олару!) характерную говорку, что «они доктрину республиканскую восприняли позже других». Там же, стр. 29.

¹²⁸ Там же, стр. 18, 19.

¹²⁹ Там же, стр. 19.

¹³⁰ Там же, стр. 21 (курсив автора).

В том, что «Парижская коммуна санкционировала новую эру двухчленной формулой: «четвертый год свободы, первый год равенства», Мартынов видел уже «знамение новых классовых антагонизмов», относительную роль которых во французской революции конца XVIII в., остававшейся буржуазной, т. е. прежде всего и главным образом антифеодальной в основе своей революцией и на ее высшем этапе, в 1793 г., он явно и неумеренно преувеличивал¹³¹.

«Логика санкюлотской диктатуры» привела, согласно Мартынову, к тому, что «санкюлоты стали осаждать Конвент требованиями обеспечения продовольствия и принятия чрезвычайных мер против барышничества». И хотя в этих требованиях не было, по его признанию, «посагательства на принцип собственности... буржуазные классы всполошились», а Жиронда их поддержала¹³².

«Так под давлением режима «общественного спасения» стали выступать наружу новые социальные антагонизмы,— заключал отсюда Мартынов.— Прежде общество делилось на патриотов и аристократов, теперь намечалось новое деление — на санкюлов и *cultottes dorées*. Прежде в глазах санкюлов подозрительными были только аристократы, теперь становились подозрительными все богатые как эгоисты»¹³³.

Придавая в этой связи решающее значение упорной агитации «в мещанских (!) парижских кварталах (в секции Гравильер)» с начала 1793 г. «священника Жака Ру ... против скунцов и барышников съестными припасами», Мартынов давал ему — вслед за Жоресом и вопреки известному уже в то время отзыву Маркса и Энгельса¹³⁴ — отрицательную историческую оценку. Он усиленно подчеркивал, что «в его критике того, что дала или, вернее, чего не дала революция, часто прорываются мелкобуржуазные реакционные ноты»; что «агитация Жака Ру и Варле привела 25 февраля к бунту (!), к разгрому (!) лавок и расхищению (!) хлеба, сахара и мыла»; что «пролетарии предместий С. Антуана и С. Марсо в этом движении не принимали участия» и что это было «знатчительно»; что «движение это встретило дружный отпор администрации Коммуны, партии Горы и Конвента»; это «великие принципы, легшие в основание буржуазной революции, служили достаточным оплотом против узких и реакционных политических тенденций «ярых»»¹³⁵.

Мартынов допускал, впрочем, что «другая сторона медали Жака Ру — его «социальный радикализм имел все шансы на успех»¹³⁶. Но при этом он упорно приписывал ему мелкобуржуазный, мещанский характер, исходя из того, что «в тогдашних исторических условиях дальнейшее развитие революции конкретно могло выльяться только в какую-либо форму мелкобуржуазного социального радикализма». Того, что выходило так или иначе за рамки буржуазной ограниченности в возглавлявшемся «бешеными» плебейском движении, Мартынов не видел, хотя в явном противоречии с этим именно данным примером иллюстрировал сформулированное им здесь общее положение, что «диктатура санкюлов быстро гнала революцию вперед за ее буржуазные пределы»¹³⁷.

«Ярые», отмечал Мартынов, «пустили корни в самом очаге революции — в санкюлотстве». И хотя в дальнейшем они «были раздавлены...»¹³⁸, Конвент счел себя вынужденным удовлетворить те социальные

¹³¹ Мартынов. Две диктатуры, стр. 19.

¹³² Там же, стр. 21—22.

¹³³ Там же, стр. 23.

¹³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. Соч., т. 2, стр. 132.

¹³⁵ Т. е. «бешеных». Мартынов. Две диктатуры, стр. 23 (курсив автора).

¹³⁶ Там же (курсив автора).

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ «Ограниченнего и упрямого Жака Ру отовсюду гнали, везде преследовали, пока он не лишил себя жизни...» Там же, стр. 37.

требования, которые в значительной мере под влиянием «ярых» стали выдвигать все чаще и чаще санкюлоты»¹³⁹.

В результате, согласно Мартынову, «диктатура санкюлов привела к таким экономическим мерам и идеям, которые по отношению к буржуазному обществу являлись системой экономического террора. Санкюлоты, на которых первоначально средняя буржуазия смотрела с полным доверием, как на наиболее рьяных защитников буржуазной революции, самым методом «общественного спасения», методом революционной диктатуры безостановочно и непреодолимо толкались вперед, покуда они не пришли в противоречие со своей первоначальной целью, в противоречие с основными интересами буржуазного общества. Буржуазия ответила на это контрреволюцией... Контрреволюция была раздавлена Конвентом. Но это была Пиррова победа.. Диктатура превратилась в кошмар для буржуазии. Но будущее принадлежало еще этой буржуазии, и она взяла реванш...»¹⁴⁰

Таким общим выводом заканчивал Мартынов вторую главу своей брошюры — «Диктатура общественного спасения. Спасители буржуазного общества — санкюлоты — становятся его врагами».

Всей вскрытой Марксом и Энгельсом сложной диалектики классовой борьбы во французской буржуазно-демократической революции конца XVIII в., как явствует уже из этого тезиса, Мартынов не понимал.

Он не понимал того установленного Марксом еще в 1848 г. факта, что там, где «пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения... выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 годах во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным способом»¹⁴¹.

Не понимал он и глубокого значения мысли Маркса, что «весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством»¹⁴².

Не понимал сделанного Энгельсом в 1892 г. обобщения, что «для того чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их,— для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели»,— как это в наиболее яркой форме проявилось во Франции в 1793 г.¹⁴³

* * *

Критике Мартынова и солидаризировавшихся с ним в той или иной мере Плеханова, Мартова и других новоисковцев Ленин посвятил несколько статей¹⁴⁴ и доклад на III съезде РСДРП¹⁴⁵, в которых приступил вместе с тем к глубокому и всестороннему теоретическому, историческому и политическому обоснованию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в русской революции.

«В самом начале своей брошюры Мартынов,— писал Ленин в первой из этих статей,— пугает нас такой страшной перспективой: если бы креп-

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, стр 25

¹⁴¹ К Маркс Буржуазия и контрреволюция К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 6, стр 114

¹⁴² Там же — «Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом «якобинизма» в эпоху демократической революции?» — писал в «Двух тактиках» Ленин (Полн собр соч, т 11, стр 47)

¹⁴³ Ф Энгельс Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 22, стр 308—309

¹⁴⁴ В И Ленин Полн собр соч, т 10, стр 3—19.— Там же, стр 20—31— Там же, стр 229—250

¹⁴⁵ Там же, стр 126—155

кая организация революционной социал-демократии могла «назначить и провести всенародное вооруженное восстание» против самодержавия, о чём мечтал Ленин, то «не очевидно ли, что всенародная воля назначила бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-либо другой, вручил бы ближайшую судьбу революции?»¹⁴⁶ К «размалевыванию «ужасов» этой перспективы» Ленин сводил не только «все содержание брошюры Мартынова», но и ряда статей новой «Искры»¹⁴⁷.

«Идейному вождю новоискровцев чудится тут «захват власти», мерещится пугало «якобинства», бакунизма, ткачевизма и прочих страшных измов, которыми так охотно пугают политических младенцев разные революционные няньушки»...¹⁴⁸

Так квалифицировал Ленин политический смысл «назидательных» примеров Мартынова, приводившего в полемике с большевиками без обиняков к одному общему знаменателю — неизбежному якобы *краху* — столь различные явления по времени, обстановке, историческим судьбам, как анархизм и народничество, — с одной стороны, «якобинство» — с другой.

Как против анархизма, народничества и «якобинства», так равно и против участия социал-демократии во временном революционном правительстве Мартынов обращался в поисках решающего аргумента все к той же выдержке из «Крестьянской войны в Германии» Энгельса, которую неоднократно цитировал — впервые двадцатью годами ранее — Плеханов, критикуя народовольцев, а косвенно — и якобинцев.

«Достаточно внимательно прочесть... начало длинной цитаты, приводимой Мартыновым, чтобы убедиться, как искажает мысль автора наш хвостист,— указывал Ленин.— Энгельс говорит о власти, обеспечивающей господство класса... По отношению к пролетариату это, следовательно, власть, обеспечивающая господство пролетариата, т. е. диктатура пролетариата для совершения социалистического переворота. Мартынов не понимает этого, смешивая временное революционное правительство в эпоху свержения самодержавия с обеспеченным господством пролетариата в эпоху свержения буржуазии, смешивая демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с социалистической диктатурой рабочего класса»¹⁴⁹.

В этой связи Ленин повторял и подчеркивал, что «суть мысли Энгельса состоит в указании на гибельность непонимания действительных исторических задач переворота, что слова Энгельса применимы, следовательно, к народовольцам и «социалистам-революционерам»»¹⁵⁰. И не применимы ни к политике «наиболее последовательных буржуазных демократов — якобинцев эпохи великой французской революции»¹⁵¹, ни тем более к большевистскому лозунгу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в русской революции 1905 г.

¹⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 4—5

¹⁴⁷ Там же, стр. 5.— «Полная революция есть захват власти пролетариатом и бедным крестьянством. А эти классы, находясь у власти, не могут не добиваться социалистической революции. *Ergo*, захват власти, будучи сначала шагом в демократическом перевороте, силой вещей, против воли (и сознания иногда) участников, перейдет в социалистический *И тут крах неизбежен*».

«Такова, собственно, мысль Мартынова (и новой «Искры»), если бы он ее додумал», — к этому заключению приходил тойда же Ленин в своей известной (не предназначеннной, по-видимому, для печати и опубликованной лишь в 1926 г.) рукописи «Революция типа 1789 или 1848 года?» «Мартыновская постановка вопроса сбивается целиком на хвостистское желание революций поскромнее», — подчеркивал Ленин, отмечая, что Мартынов «хочет оставаться даже по отношению к революции в оппозиции». Полн. собр. соч., т. 9, стр. 380—382.

¹⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 5.

¹⁴⁹ Там же, стр. 5—6.

¹⁵⁰ Там же, стр. 7.

¹⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 203.

«Энгельс,— писал Ленин,— видит опасность в фальшивом, ложном положении, когда говорят одно, а делают другое, когда обещают господство одного класса, а обеспечивают на деле господство другого класса; Энгельс в этой фальши видит неизбежность безвозвратной политической гибели, а умный Мартынов выводит отсюда опасность гибели вследствие того, что буржуазные сторонники демократии не дадут пролетариату и крестьянству обеспечить действительно демократической республики. Умный Мартынов никак не в силах понять, что такая гибель, гибель вождя пролетариата, гибель тысяч пролетариев в борьбе за действительно демократическую республику, будучи физической гибелю, не только не есть политическая гибель, а, напротив, есть величайшее политическое завоевание пролетариата, величайшее осуществление им его гегемонии в борьбе за свободу...»¹⁵²

Переходя уже непосредственно к обоснованию отстаиваемой им тактики, Мартынов утверждал, что «предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм против воли всей¹⁵³ буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня»¹⁵⁴.

Это и подобные ему утверждения были и оставались краеугольными камнями подхода оппортунистического крыла социал-демократии к буржуазной революции вообще, к русской революции, ее перспективам и задачам — в частности.

Обобщая по существу весь исторический опыт крупнейших революций прошлого, Ленин, в противовес Мартынову и другим новоискровцам, со всей энергией подчеркивал уже здесь, что нельзя говорить просто-напросто о «воле всей буржуазии», что «эпоха демократического переворота отличается как раз различием воли разных слоев буржуазии, только избавляющейся от абсолютизма»¹⁵⁵.

«Говорить о демократическом перевороте и ограничиваться простым и голым противопоставлением пролетариата и буржуазии есть чистая несобразность, ибо этот переворот знаменует именно тот период развития общества, когда масса его стоит собственно между пролетариатом и буржуазией, составляет из себя обширнейший мелкобуржуазный, крестьянский слой»¹⁵⁶, — продолжал Ленин¹⁵⁷.

«У этого гигантского слоя, именно потому, что демократический переворот еще не совершен, гораздо больше общих интересов с пролетариатом в деле реализации политических форм, чем у «буржуазии» в настоящем и узком значении этого слова», — к такому заключению приходил Ленин, констатируя, что «в непонимании этой простой вещи один из главных источников мартыновской путаницы»¹⁵⁸.

¹⁵² «Энгельс говорит о политической гибели того, кто бессознательно сбивается с своей классовой дороги на чужую классовую дорогу, а умный Мартынов, благоговейно цитируя Энгельса, говорит о гибели того, кто пойдет дальше и дальше по верной классовой дороге», — подытоживал все это Ленин. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 7—8.

¹⁵³ «Курсив Мартынова», — отмечал, цитируя его, Ленин. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 8, 9.

¹⁵⁴ Мартынов. Две диктатуры, стр. 58.

¹⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. г. 10, стр. 9.

¹⁵⁶ «Мелкобуржуазный и крестьянский слой. Десятки миллионов. «Народ»раг excellence», — заносил Ленин в июне 1905 г. в свои рукописные заметки. Ленин называл при этом крестьянство после «бюрократически-военно-придворных элементов» «плюс элементы народной темноты», «более или менее крупной, умеренно-либеральной буржуазии» и до пролетариата в своем перечислении «главных общественных сил», которые «идут в счет», «если по-марксистски обсудить вопрос о революционной диктатуре», сводя его «к анализу борьбы классов». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 360—361.

¹⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 9.

¹⁵⁸ Там же.

Мысль о «роли промежуточного, между «буржуазией» и «пролетариатом» стоящего народного слоя (мелкобуржуазная масса городской и деревенской бедноты, «полупролетарии», полуходзяйчики)», о существовании «того гигантского крестьянского и мелкобуржуазного населения, которое демократический переворот поддержать способно, а социалистический в данную минуту не способно»¹⁵⁹ — эта мысль красной нитью проходила уже через первую статью Ленина, посвященную критике Мартынова и написанную еще на начальном этапе русской революции — в марте 1905 г.

В своем дальнейшем развитии мысль эта, обогащенная историческим опытом русской революции, опытом крестьянского движения в России, приводила Ленина к выводу, что «победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии», что «преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата,— все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер»¹⁶⁰.

Особенность эта «не устраивает буржуазного характера революции», она «обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции», — повторял Ленин и в 1908 г. положение, которое отстаивал еще с 1905 г. и которое считал «исходным пунктом» тактических разногласий внутри социал-демократии во время революции¹⁶¹.

«Особый характер русской буржуазной революции», который «выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени», давал Ленину основание к сближению ее «с великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль»¹⁶². Прежде всего, разумеется,— с французской революцией, этим, по отзыву Энгельса, «первым восстанием, в котором борьба была действительно доведена до конца, до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии»¹⁶³.

Ссыпался Ленин в этой связи и на два других исторических наблюдения или обобщения Энгельса¹⁶⁴, которые «замечательно подтвердились ходом русской революции».

Сводя первое из них к тому, что «только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию», Ленин в то же время подчеркивал: «...если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто»¹⁶⁵.

Подтвердилось, по заключению Ленина, и «то, что революцию надо довести значительно дальше ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить эти цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания...»¹⁶⁶.

Еще в 1905 г. Ленин считал непременным условием «действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции» в России

¹⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., стр. 10, 12.

¹⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 44.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, стр. 46.

¹⁶³ Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 311.

¹⁶⁴ Там же, стр. 308—309.

¹⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 46, 47.

¹⁶⁶ Там же, стр. 47.

революционно-демократическую диктатуру «низших классов», которые являются «активными двигателями всякого демократического переворота»¹⁶⁷.

«Эти классы — пролетариат плюс десятки миллионов городской и деревенской бедноты, живущей в условиях мелкобуржуазного существования. Принадлежность к буржуазии весьма многих представителей этой массы несомненна¹⁶⁸. Но еще более несомненно, что в интересах этой массы лежит полное осуществление демократизма... Социал-демократ никогда не забудет, конечно, о двойственной политico-экономической натуре мелкобуржуазной городской и сельской массы, он никогда не забудет о необходимости отдельной и самостоятельной классовой организации борющегося за социализм пролетариата. Но он не забудет также, что у этой массы есть «кроме прошлого будущее, кроме предрассудков рассудок»¹⁶⁹, толкающий ее вперед, к революционно-демократической диктатуре...», — писал Ленин¹⁷⁰.

А «сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа»¹⁷¹.

И поэтому, «чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789—1793, а не 1848—1850-ые годы, и превзойти их», русская революция «должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости»¹⁷²...

Так на основе опыта прежних революций определял в начале 1905 г. Ленин ближайшую задачу, поставленную историей перед русским пролетариатом, заново открывая тем самым тайну непреходящего всемирно-исторического значения Великой французской революции.

* * *

«Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией — уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией — демократическая республика, наконец, за пролетариатом — социалистический переворот,— писал тогда же, в марте 1905 г., Ленин, имея в виду не одного Мартынова, но и других противников идеи революционно-демократической диктатуры.— Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (напр., для Франции с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху,— для этого надо быть виртуозом филистерства»¹⁷³.

Против острого, меткого, прозорливого замечания Ленина выступил в новой «Искре» Плеханов с «небольшой исторической справкой» «К вопросу о захвате власти»¹⁷⁴, в которой утверждал, будто критика Ленина относилась к Марксу и Энгельсу¹⁷⁵.

¹⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 19, 13.

¹⁶⁸ «Употребление наемного труда не есть обязательный признак понятия мелкой буржуазии», — отмечал Ленин еще в «Развитии капитализма в России». Полн. собр. соч., т. 3, стр. 169, прим.

¹⁶⁹ См. К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 209.

¹⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 13—14.

¹⁷¹ Там же, стр. 18.

¹⁷² Там же, стр. 19.

¹⁷³ Там же, стр. 26.

¹⁷⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, М.—Л., 1926, стр. 203—211.

¹⁷⁵ «Плеханов изображает дело так, как будто «Вперед» назвал «виртуозами фили-

Дальнейшее развитие борьбы большевиков с меньшевиками показало, однако, со всей очевидностью, насколько прав был в 1905 г.— вопреки Плеханову — Ленин в своем упреке «виртуозам филистерства» из новой «Искры», которые, превращая в «шаблон» революционной тактики мысль Маркса о развитии французской революции XVIII столетия по восходящей линии, вносили в нее оппортунистическое содержание.

Десятилетием позднее, в 1915 г., Плеханов опубликовал в выходившем в Париже меньшевистско-эсеровском органе «Призыв» статью «Две линии революции», в которой он, поставив основной теоретический вопрос о грядущей революции в России, довел до логического завершения «жирондистскую» позицию новоиспеченных 1905 г.

Используя все ту же цитату из Маркса о развитии революции 1789 г. по восходящей, а революции 1848 г. по нисходящей линии, Плеханов заявлял о желательности «направить русскую революцию по восходящей линии» — о желательности того, «чтобы власть сначала перешла к кадетам и октябристам, потом к трудовикам, затем к социалистам», — как расшифровывал это Ленин в статье «О двух линиях революции»¹⁷⁶.

Тактический вывод из этого ««теоретического» рассуждения» Плеханова был, по заключению Ленина, «тот, что неразумны левые в России, не желающие поддерживать кадетов и преждевременно дискредитирующие их».

Позиции Плеханова, который «марксизм подменил вульгарным идеализмом», сводя «дело к вопросу, «правильны» или неправильны были «стратегические понятия» передовых элементов», Ленин противопоставлял позицию Маркса.

«Маркс,— отмечал Ленин,— рассуждал иначе. Он указывал факт: революция в обоих случаях шла по-разному, а объяснения этой разницы Маркс не искал в «стратегических понятиях». Смешно, с точки зрения марксизма, искать ее в понятиях. Ее надо искать в различии соотношения классов»¹⁷⁷.

Исходя из обобщающих положений Маркса, что «в 1789 г. буржуазия во Франции соединилась с крестьянством»¹⁷⁸, а в 1848 г. «мелко-буржуазная демократия изменила пролетариату»¹⁷⁹, Ленин констатировал, в противовес Плеханову: восходящая линия была в 1789 г. «формой революции, в которой масса народа победила абсолютизм»; нисходящая же линия 1848 г. была «формой революции, когда измена пролетариату со стороны массы мелкой буржуазии вызвала поражение революции».

Распространяя тот же классовый критерий на опыт русской революции 1905 г. и контрреволюционной эпохи после нее, Ленин приходил к выводу, что и в России в эти годы «наблюдались две линии революции в смысле борьбы двух классов, пролетариата и либеральной буржуазии, за руководящее влияние на массы».

Первая линия русской буржуазно-демократической революции, «взятая из фактов, а не из «стратегической» болтовни» состояла, по Ленину,

стерства» Маркса и Энгельса. Но на самом деле это не так, это маленький подмен... Слова о филистерстве относились к Мартынову или Л. Мартову... Плеханов напрасно затушевывает мартыновщину...» В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 10, стр. 127.

¹⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 76.

¹⁷⁷ Там же, стр. 76—77.

¹⁷⁸ На это положение Ленин опирался, как мы видели, еще в «Двух тактиках...». Полн. собр. соч., т. 11, стр. 125—126.

¹⁷⁹ «Во Франции 1789 г. дело шло о свержении абсолютизма и дворянства. Буржуазия на тогдашней ступени экономического и политического развития верила в гармонию интересов, не боялась за прочность своего господства и шла на союз с крестьянством. Этот союз обеспечил полную победу революции. В 1848 г. дело шло о свержении буржуазии пролетариатом. Последнему не удалось привлечь к себе мелкой буржуазии, и ее измена вызвала поражение революции...» В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 77.

в том, что против монархии и против помещиков «решительно боролся пролетариат, нерешительно шло за ним крестьянство».

Вторую линию русской революции, линию либеральной буржуазии, Ленин сводил к «успокоению» и раздроблению борьбы масс «ради примирения буржуазии с монархией».

«Большевики сознательно помогали пролетариату идти по первой линии, борясь с беззаботной смелостью и вести за собой крестьянство. Меньшевики скатывались постоянно на вторую линию, разворачивая пролетариат приспособлением его движения к либералам...», — такой общий итог подводил Ленин, обобщая в 1915 г. тактику каждого из двух основных направлений русской социал-демократии в революции 1905—1907 гг.¹⁸⁰

Вот это и давало основание Ленину еще в разгар революции, летом 1905 г., называть большевиков «якобинцами современной социал-демократии», которые «хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особность... хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком».

«Это не значит, конечно, — настойчиво подчеркивал тогда же Ленин, — чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа — программа-минимум Российской социал-демократической рабочей партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса».

Именно в этой связи Ленин, раскрывая подлинный смысл сопоставления большевиков с якобинцами, а меньшевиков с жирондистами, и ограничивал его тем, что «представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы»¹⁸¹.

¹⁸⁰ Там же, стр. 77—78

¹⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 11, стр. 47—48.

Тематически связанные ссылки:

Революционеры и либералы России / Сб. науч.статей к 100-летию Б.П.Козьмина
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80110457.htm>

И.Пантин, Е.Плимак, В.Хорос. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p140487680.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: перв. половина XIX в.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p48143253.htm>

Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак Термидора
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/therm_condr.htm

Э.Лабрусс. Как французская революция блестяще объясняет и оправдывает героическую историю русской революции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/labrousse_fe-71.pdf

Великая французская революция и русская литература
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p68490613.htm>

М.Покровский. Очерки русского революционного движения XIX - нач. XX вв.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72402016.htm>

В.Алексеев-Попов. Значение опыта Великой французской революции для русского рабочего движения накануне и в период революции 19051907 гг.
УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН) Владимир Ильич

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#lenin>